

Н. С. ОПАРИН

БОРЬБА С ДУТОВЩИНОЙ

12 декабря 1917 года я прибыл с германского фронта на Богоявленский завод в отпуск.

К этому времени атаман Дутов создавал белогвардейские банды в степях Оренбургской губернии. Эти банды стали угрожать существованию Советской власти на всем Южном Урале (Уфимской и Оренбургской губерниях).

На Богоявленском заводе была сильная большевистская организация. Руководящее ядро нашей партийной организации состояло из старых большевиков-подпольщиков. Среди них особенно большим авторитетом и уважением пользовался Петр Иванович Зудов.

Под влиянием партийного комитета завода находились не только заводские организации, но и местный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Доказательством этого являлось то, что земля помещика Пашкова, на которой был расположен наш завод и окружающие его села, была весной 1917 года, то есть еще до Октябрьской революции, отобрана, разделена между крестьянами и засеяна, а на заводе был установлен рабочий контроль.

Партийный комитет предложил мне как члену партии по отбытии отпуска в армию не возвращаться, а остаться на заводе и обучать дружинников военному делу.

В феврале 1918 года штаб нашей боевой организации получил от начальника Уфимского губернского штаба Э. С. Кадомцева распоряжение выделить от нашей организации трех членов в состав губернского штаба. Избрали Ивана Королева, Лучникова и меня.

Вместе с нами в Уфу отправился в распоряжение Уфимского губернского штаба и отряд в 200 человек.

Командиром отряда был избран Федор Васильевич Калмыков.

В январе 1918 года атаман Дутов захватил Верхне-Уральск и готовился к захвату Белорецкого завода, где во главе партийной организации стоял старый большевик Точисский.

В Уфе был создан большой отряд Красной гвардии (БОНВ) путем объединения нашего отряда с другими, находившимися в это время в Уфе, в том числе с отрядом уфимских железнодорожников, которым командовал Салманов (Уфимский красногвардейский, Симский, Аша-Балашовский, Златоустовский, Мари, Черемисский, Богоявленский отряды), и направлен в Белорецк. Там в наш отряд влился Белорецкий отряд, которым командовал рабочий Груненко. Командиром этого отряда был избран я, а моим заместителем Салманов.

Командиром сводного отряда штаб Уфимского губернского военного комиссариата Красной гвардии назначил Михаила Кадомцева.

Отряд вышел в поход, взяв направление на Верхне-Уральск.

В нашем отряде много боевиков было плохо обучено, а некоторые и совершенно не знали военного дела. Пришлось наряду с подготовкой к наступлению провести элементарное обучение — научить заряжать и перезаряжать винтовку, сообщить бойцам кое-какие понятия о движении в строю.

К сожалению, мы сами-то — командиры — мало знали военное дело. Работать, особенно учить других, было невероятно трудно.

В первом же бою под станицей Кассельской мы потерпели поражение и вынуждены были отступить. Противник преследовал нас до Верхне-Уральска. Наш отряд отходил последним. В этом бою мы и потеряли товарища Салманова. Здесь же геройски погиб наш пулеметчик, по национальности татарин (фамилию его не помню).

Этот герой пулеметчик был уже ранен. Пулемет его от перегрева перестал работать. Я дал распоряжение унести раненого, а пулемет без замка бросить. Но пулеметчик отдал замок второму номеру, а сам сел на пулемет и заявил: «Белым пулемет не отдам!»

Ни распоряжения, ни уговоры не помогали, да и времени для уговоров уже не оставалось. Белые налетели на

пулемет и на глазах у всего отряда зарубили пулеметчика.

В этом же бою погиб 15-летний мальчик Петя Калмыков, племянник Михаила Васильевича Калмыкова. Его тело нашли в станице Кассельской зверски изуродованным белогвардейцами.

Жители станицы Кассельской рассказывали о страшных пытках, которым подвергали белые палачи Петю, добываясь у него сведений о наших отрядах. Ему выкололи глаза, изрезали все тело ножами, но юный герой не выдал военной тайны.

После этого боя на заседании штаба сводного отряда разобрали причины нашего поражения: отсутствие в нашем отряде кавалерии, которая особенно необходима, так как нашим противником явились казаки; недостаточная выучка боевиков и их неумение действовать в условиях боя; отсутствие у нас командиров, знающих военное дело. На этом же совещании было решено создать свой кавалерийский отряд; усилить занятия по боевой подготовке, а также ввести знаки различия для командного состава.

Встал вопрос — где же взять коней?

Выход был найден. Были посланы люди в горные башкирские деревни для мобилизации лошадей. С помощью башкир бедняков были выловлены в степи гуляющие на свободе кони. Эти лошади были дикие, необъезженные. Их надо было приучать к узде, к седлу, к седоку.

Мы еще не успели приучить коней, как получили приказ из Уфы (через Белорецк) о немедленной помощи отряду М. В. Калмыкова, который вел уже бой с дутовцами под Магнитной. Туда же срочно отправился и отряд верхнеуральцев под командой Николая Каширина, а из Белорецка — отряд, сформированный Точисским.

Все отряды сошлись под Магнитной и объединились под общей командой Н. Д. Каширина.

Дутов со своими войсками окружил отряд М. В. Калмыкова, угрожая ему уничтожением. Первым на помощь осажденным подошел отряд Н. Д. Каширина. Затем подошли все остальные. Дали возможность отряду Калмыкова развернуться и совместными усилиями разбили банду Дутова.

Учтя эти уроки, Дутов принял новую тактику: отойти в степи, оставив в Оренбурге и в станицах в подполье свою агентуру.

В середине апреля 1918 года наш отряд вторично выступил на борьбу с дутовцами. Недалеко от Верхне-Уральска нам навстречу двигался конный отряд — это были белоказаки, остатки дутовских банд. Они ехали с белым флагом — сдаваться. Подъехали. Сдались. Разоружились. Это были казаки-фронтовики. Рассказали, что Дутов с офицерством бежал в степь.

Поздно вечером мы вошли в станицу Кассельскую. Население этой станицы состояло из нагайбаков, крещеных татар. Они исповедовали православную веру и вместе с тем соблюдали обычаи и обряды татар, говорили на татарском языке.

В этой станице нам удалось заменить наших полудиких лошадей на обученных, что значительно облегчило управление отрядом.

Вскоре отряд получил приказ от командующего фронтом Михаила Кадомцева, двигаясь ускоренным маршем, преследовать дутовцев, догнать и уничтожить их.

На четвертые или пятые сутки похода с небольшой группой боевиков на одной из переправ мы нагнали дутовский отряд, возглавлявшийся лично генералом Дутовым, однако дутовцы успели переправиться на другой берег и скрыться от нас.

* * *

Восстание оренбургских белоказачков в этом районе было ликвидировано. Командованием было принято решение направить наши отряды в распоряжение Уфимского губернского штаба.

М. С. Кадомцев со всеми отрядами направился в Уфу. А меня направил сопровождать Белорецкий отряд в Белорецк, чтобы передать его П. В. Точисскому, а заодно по пути проверить, как работают там Революционные комитеты (Ревкомы) и организованные нами Советы в станицах, которые лежали на пути нашего только что окончившегося похода.

В станице Павловской, куда мы прибыли 1 мая, был собран митинг. Я выступил на этом митинге. Когда я окончил свою речь, подошел человек на костылях и обратился ко мне: «Вам хорошо говорить! А вот меня выбрали председателем Совета, и видите, какой я стал!»

Оказывается, местные кулаки его искалечили и выбрали в Совет станичного атамана, пристава и урядника.

Собрали общее собрание, на котором было принято решение распустить такой «Совет» и создать новый, из фронтовиков.

Отряд прибыл в Верхне-Уральск.

Не успел наш отряд разместиться, как меня вызывают в Совет.

Я продиктовал записку (был неграмотный), что придю после того, как размещу людей.

Разместив людей, пришел в Совет. В Совете И. Каширин стал меня ругать: «Идут, безобразничают, разгоняют Советы» и т. п.

Иванов (председатель городского Совета) тоже меня ругает.

«Может быть, речь идет о станице Павловской?» — говорю я.

И стал рассказывать, что там произошло.

Каширин говорит: «Надо позвать этих людей, они здесь. Разобраться». Их позвали, я говорю: «Как раз этих я и разогнал».

Тут же было принято решение прогнать этих «жалобщиков». Затем наш отряд пошел на Белорецк, где я и передал его Точисскому.

Затем я прибыл в Уфу к Э. Кадомцеву — начальнику главного штаба, который поручил мне собрать новый отряд в Усолке и отправиться с ним под Самару.

Из-за наводнения я опоздал в Самару и присоединился к отряду Калмыкова, шедшему на Оренбург.

М. Калмыков все время говорил, чтобы ни в коем случае не допускать насилия против населения, чтобы не возбуждать недовольства. Если нам нужны были деньги и продовольствие, мы проводили конфискации, но делали это организованно. О нашем отряде крестьянское население отзывалось всегда хорошо.

Прибыли в Оренбург. Там к этому времени были Георгий Васильевич Зиновьев, командующий группой войск Туркестанского фронта, В. К. Блюхер с отрядом (он был заместителем Зиновьева по всей группе), Н. Каширин со своим отрядом.

Вскоре Дутов опять стал концентрировать свои войска около Оренбурга. Между Донгузской и Оренбургом находится станица Павловская, там белые и сосредоточили свои отряды.

Для того чтобы разбить белогвардейцев, была создана ударная группа, которая их и разгромила.

В это время в Оренбурге находился старый армейский полк под командованием Жлобы, бывшего фельдфебеля. Полк этот пробивался в Туркестан. Я с отрядом должен был его прикрывать. На станции Донгузская полк окружили белые и стали на него наседавать. Мне надо было охранять мост, иначе мы оказались бы отрезанными от Оренбурга. Начался бой.

Жлоба звонит по телефону о том, что ему нужна немедленная помощь. Положение создалось тяжелое. Если оказать ему помощь, то неизбежно придется бросить мост, и тогда мы окажемся отрезанными. Этого допустить было нельзя.

Тогда находим выход: формируем почти пустой эшелон, ставим туда одну пушку-горняшку, два пулемета и с этим «вооружением» отправляем состав. За ним мы пустили еще состав с порожняком.

Через некоторое время звонит Жлоба: «Хорошо помогли!»

Все произошло так, как было задумано. Когда состав стал подходить, у белых произошла паника, чем воспользовался Жлоба и нанес им поражение.

После боя утром меня вызывают снова к телефону. Из трубки слышится голос: «Говорит Жлоба».

Но я по голосу чувствую, что это не он. Он начинает меня спрашивать: «Какие у вас потери? Сколько осталось бойцов?» и т. д.

Я отвечаю: «По телефону об этом говорить не могу».

Он начинает требовать, потому что мой отряд, мол, ему подчинен.

Я бросил трубку. Опять звонят...

Три раза меня вызывали к телефону, и в конце концов голос из трубки заявляет: «Я, собственно, генерал Красильников, говорю из станицы Донгузской. Вы, голодранцы, знайте — придет уборочная, мужички от вас убегут, и тогда мы с вами разделаемся!»

Я со своей стороны тоже сказал ему, что думал... Послал ему «пламенный привет». На этом разговор кончился.

В это же время белочехи заняли Самару. Бузулук держался и поддерживал с нами связь; была договоренность, что в случае чего товарищи будут отступать к нам.

На специальном совещании командиров отрядов было решено, что Зиновьев идет на Ташкент, Каширин — на Верхне-Уральск, Блюхер — на Троицк, Калмыков — на Уфу.

По дороге до Стерлитамака мы не встречали препятствий. В Стерлитамаке эсеры предъявили нам ультиматум, чтобы в тот же вечер мы ушли из Стерлитамака. В противном случае, как говорилось в подкинутой анонимной записке, они угрожали убить Калмыкова.

Ночью в Стерлитамаке мы связались с Уфой и попросили к телефону вызвать Эразма Кадомцева, но к прямому проводу подошел эсер Муравьев¹, который предложил нам немедленно идти на Уфу.

Мы не понимали, в чем дело, и, придя с переговоров, начали обсуждать положение. Снова связались с Уфой по телеграфу. На этот раз нас предупредили, чтобы мы ни в коем случае не шли в Уфу. «Иначе вы погибнете, — сказали нам. — В Уфе — измена. Муравьев — не наш человек».

М. В. Калмыков, Венедикт Ковшов, я и Озимин собрались и стали обсуждать — что же делать дальше? Было решено, что надо идти в Усолку.

В Усолке нам была организована торжественная встреча. Навстречу вышло все население.

Здесь мы узнали, что Василий Зудов доложил нашу точку зрения партийному комитету, а партийный комитет,

¹ М. А. Муравьев — левый эсер, командующий армией на Восточном фронте, оказался изменником и едва не открыл всего фронта белочехам. В. И. Ленин много раз останавливается на измене Муравьева, которая совпала с восстанием левых эсеров в г. Москве.

В. И. Ленин разоблачает левых эсеров как мелкобуржуазную партию, помогающую буржуазии вести борьбу против Советской власти. В своей речи «Успехи и трудности Советской власти» В. И. Ленин говорил: «...Люди, называющие себя меньшевиками и эсерами, правыми и левыми, падающие так низко, что на словах заявляют себя сторонниками рабочего народа, а когда продовольственное положение обостряется, когда надвигается голод, пытающиеся на нем сыграть и натравливающие народные массы против власти рабочих и крестьян, не понимают, что как измена левого эсера Муравьева в прошлом году на Восточном фронте стоила жизни десяткам тысяч рабочих и крестьян в войне с белогвардейцами, так и теперь всякая такого рода политика, всякая агитация и игра на голоде, которую левые эсеры ведут якобы для пользы рабочих, есть не что иное, как прямая помощь белогвардейцам» (В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 61—62). — *Прим. ред.*

будучи связан с Петром Зудовым, находившимся в Уфе, считал, что обстановка сейчас не позволяет идти на Уфу.

Разговоры длились целые сутки.

4—5 июля 1918 года нас вызвал из Уфы к прямому проводу П. Зудов и сообщил: «Мы сдаем Уфу и уходим».

Перед нами опять встал вопрос — как же быть дальше? Некоторые товарищи считали, что если мы начнем боевые действия только нашим отрядом, то рискуем оказаться в трудном положении. Тогда мы решили уйти в горы и на случай отступления организовать там штаб во главе с начальником Калмыковым и его заместителем Ковшовым.

На общем митинге было решено объявить мобилизацию всех мужчин в возрасте от 16 до 60 лет. Тут же решили срочно выслать отряд для установления связи с Блюхером и Кашириным. Мы пока остались в Усолке.

Белые стали сосредоточивать свои отряды в районе Русский Саскуль, чтобы затем переправиться на Индилку и захватить там наш главный опорный пункт.

Мы приняли решение во что бы то ни стало разбить их под Саскулем.

Бросить туда большие силы мы не могли и пошли на хитрость. Михаил Калмыков с 75 бойцами и двумя пулеметами пошел через Нагадак на Татарский Саскуль, в тыл Русскому Саскулю, а мой брат Петр Опарин с 25 кавалеристами пошел через Котлу-Гузу.

Были намечены время и сигнал атаки. Удар для противника оказался внезапным. Белые в панике бежали, оставив нам богатые трофеи: мануфактуру, хлеб, оружие. В панике они бросили и г. Стерлитамак. Таким образом, мы снова восстановили все свои позиции.

После этого поражения белые решили нанести и удар на Усолку с запада и захватить завод.

Но в это время к нам на Богоявленск уже двигались отряды Блюхера и Каширина. Было это 13 августа 1918 года.

14 августа отряды Блюхера и Каширина вступили в Богоявленск (Усолку).

